КОННИЦА БЕХТЕРЕВА

Алексей Смирнов

SHOUT
SHARE
IT

- КОННИЦА БЕХТЕРЕВА
  - Много лет спустя
  - О сверхчувственном восприятии
  - Корни
  - Каллиграфия
  - Бытовая паразитология
  - Отработки
  - Паралич
  - Инфаркт
  - И они жили душа в душу
  - Сон разума как многодетный отец
  - Тапочки как зеркало гуманизма
  - Неясыть
  - Кыш
  - С Лимонным Соком и Писком
  - Случайные встречи
  - Штуковина
  - Видение
  - Шестерочка
  - Готовность номер один
  - По рюмочке
  - Без вины виноватые
  - Доктор Чехов и Астров
    - Черви сомнения
    - Чудеса отца Льва
    - Подвиги и слава
    - Холодненькое
    - Без окон и без дверей
    - Конница Бехтерева
    - Праздным любопытным посвящается
    - Дебаркадер
    - Ходок
    - Зеркало треснуло
    - Неодолимая сила

КОННИЦА БЕХТЕРЕВА

Много лет спустя

Итак, уже миновал не один год с того момента, когда я попрощался с больницей и уехал прочь на ночной электричке, не оглядываясь.

Интерес, однако, остался.

Недавно я рассказал, что власть в ней захватили военные, и стало твориться некоторая неразбериха. Больные числятся в одном отделении, а лежат в другом. Ну, надо так. Надо, и все.

Одну такую тетку записали на терапию, а положили в травму. Без объяснений, не ваше собачье дело.

И вот медсестра из травмы звонит на терапию.

— Ничего, что ваша больная у нас полежит? Вы не волнуйтесь, пусть она у нас побудет.

Набирая номер, медсестра ошиблась в одной цифре.

Ей ответили, нисколько не удивившись, в рабочем порядке:

— Да пожалуйста, конечно, у нас так много вскрытий…

О сверхчувственном восприятии

Сидели в ординаторской, перекусывали, беседовали об экстрасенсах.

Высказались все.

Последним был уролог К.

— Экстрасенс не может вылечить гонорею, — сказал он скромно, доедая из баночки и облизывая ложку. — А я могу.

Корни

Видел на улице человека с вокальным тиком. Шел и рычал что–то невнятное и по тональности оскорбительное, периодически вскрикивая.

Раньше думали, что тики это бесы.

Да и сегодняшние научные объяснения немногим лучше. Непонятно, в чем дело.

Мне интересно: почему это, когда такой тик, хочется выкрикивать исключительно слова вроде «хуй», «блядь», «сука», хулу какую–нибудь, угрозы? Почему не бывает тиков с красивыми словами — «Бог», «цветы», «счастье», «любовь»? Вспоминаются германские поэты Венички Ерофеева: «идите к жемчугам!» Ведь казалось бы, какая разница, какому слову застрять и рваться наружу? Могла бы получиться прекрасная болезнь, которую и лечить–то жалко.

Вероятно, это что–то корневое, неистребимо человеческое выкрикивается, самая суть. Никакого «счастья» там быть не может.

Меня и самого постоянно тянет на какие–то бормотательные безадресные обращения, совершенно не похожие на «спаси и сохрани».

Каллиграфия

Я всегда завидовал настоящему врачебному почерку. Ведь непонятность внушает уважение: посмотришь в рецепт — и хочется уже довериться человеку, который все это написал и сам понял, и коньяк ему подарить, и отдаться, если ты женщина — или мужчина.

Недавно мы с моей работодательницей обсуждали технику написания художественной муры, которую мне заказали. И я говорил, что летом, на даче, заниматься этим будет довольно трудно, потому что я не возьму с собой ноутбук. Рядом с нами живут уголовники, мутировавшие от стеклоочистителя и предводительствуемые атаманшей по фамилии Кольцова. Поэтому я боюсь его везти.

— Ну, напишите от руки. У нас перепечатают.

Я тонко улыбнулся:

— В прошлой жизни я дохтур…

— Все! — моя собеседница выставила ладони, закрывая тему.

Я, однако, покривил душой. У меня никогда не было настоящего докторского почерка. Он у меня вообще не устоялся, этот почерк — никакой, ни докторский, ни мирской. Я писал довольно разборчиво и облизывался на записи, скажем, калининградского хирурга Шора, которые состояли из горизонтальных, чуть извитых, линий, похожих на спирохеты, с точками–кокками в строчках. Никто не знал, о чем он пишет.

Я старался и так, и эдак — какие только не делал росчерки. Все равно было понятно. Лишь однажды я приблизился к оптимуму. Сидел на дежурстве, скучал и выпил под «Цивилизацию» — игру бутылку водки или больше. Потом меня куда–то позвали, я кого–то смотрел и что–то писал. А с утра не без опаски развернул историю болезни, потому что память пострадала. Мало ли что там может быть. Смотрю — идеальный, настоящий докторский почерк! Ни хрена не понятно. Впечатление, будто это написал под мою диктовку сам клиент, инсультник с афазией и дискоординацией.

Мне стало ясно, что я уже близок к профессионализму.

Бытовая паразитология

Приехала теща с клещом.

Клещ впился, когда она там в деревне что–то на огороде творила.

— Этот клещ не энцефалитный! — решительно заявила теща.

— Он вам сказал? — прищурился я.

— А то меня клещи не кусали.

И наотрез отказалась от осмотра. Дело–то плевое: маслом растительным капнуть — и вынуть.

Что такое? — думаю.

Все вскорости разъяснилось. Оказалось, что над клещом уже поработал тесть, не хуже профессора Пирогова. Дал ему просраться пинцетом и йодом. Обезглавил и голову, естественно, оставил внутре.

Сегодня теща сдалась и показала мне послеоперационную рану. Я ошеломленно признал, что да, мне тут уже делать нечего. Впечатление такое, будто Пирогов выполнил резекцию легкого.

Отработки

Не помни, рассказывал ли я где–нибудь, что главная вещь, которая мешает мне сентиментально ностальгировать по студенческим годам, это отработки.

У нас отрабатывали все, что пропустил.

Был даже такой анекдот: Дворцовая площадь, раннее утро, бегает человек с флагом и орет: «Ура! Ура!» Походит к нему мент и спрашивает: ты, дескать, чего? А тот отвечает, что учится в Первом Меде и отрабатывает демонстрацию.

Отрабатывали физику, химию, физкультуру, историю медицины, разрезание трупов и осмотр пациентов. Военную кафедру отрабатывали особенно строго.

Выглядело это так: если человек что–то прогулял, он шел в деканат и получал допуск к занятиям за подписью декана. В допуске писалась причина: уважительная или неуважительная.

Для тех и других причин устраивались отдельные отработки. Висели расписания: отработка по уважительной причине, отработка по неуважительной причине, и разницы не было никакой.

Молодым и горячим выдавали трупы, старшекурсникам — живых клиентов, с которыми было в одном отношении лучше: они, прошедшие через руки многих, уже сами отлично знали, где у них что и нам рассказывали, жалели нас. Показывали, где у них какой шум, а где какое уплотнение, и объясняли, почему — иногда не без домыслов.

А труп ни черта не рассказывал, и приходилось искать самому, да еще с уважением, потому что труп, как нам объясняли, это тот же пациент. И отношение к нему должно быть соответственное. Это я хорошо усвоил, и пациентов обычно тоже рассматривал в свете этой истины.

И вот недавно мне случилось встретиться с институтскими друзьями. Ностальгия кольнула, когда вспоминали портвейн, выпитый перед отработкой акушерства и гинекологии. А вот насчет самой отработки — трупа, пропущенного по неуважительной причине — никаких сожалений.

Паралич

Скорая Помощь получила очередной сигнал: «Паралич».

Поехала.

Уже на лестничной площадке доктора караулила взволнованная дама в халате.

— Доктор! У него, наверное, паралич! Это не инсульт?

Доктор вошел и увидел человека, лежащего на диване. Человек лежал, отвернувшись от мира.

Дама расстраивалась:

— Неужели это инсульт? Он весь день, с утра, произносит одну и ту же фразу!

— Пошла ты на хуй, — сказал больной.

— Вот! — воскликнула дама. — Вот эту фразу, с утра!

— Ох, простите, — смутился больной при виде доктора. — Это я не вам. Да ничего меня не беспокоит! Ничего не болит, просто заебала.

Инфаркт

Скорая помощь приехала по случаю инфаркта.

Первый вопрос:

— Ну, где инфаркт?

Да вот же он.

Пациент, глубоко взволнованный, описал симптоматику. Кашель, боль в горле, сопли из носа.

— Но почему же инфаркт?

Снисходительно:

— Сердце ведь слева?

Ну, допустим.

— Так вот из левой ноздри сопля длиннее раза в два. Все тянется и тянется — это инфаркт!

И они жили душа в душу

Загородная больница. Больной.

Жена больного:

— Мы с ним уже двадцать шесть вместе, живем душа в душу! Такой милый, приветливый! Души друг в друге не чаем. У него уже пятнадцать лет паралич. Не окончательный.

Из этих двадцати шести.

Ходит по коридору, систематически кланяется и улыбается. В трусах.

Сколько раз встретит доктора — столько раз ему поклонится.

Недавно пропал. Главврач велел писать самоволку — мало ли что.

Нашли на вокзале, в трех остановках от больницы.

Ходил, кланялся, улыбался, в носках, на руки надетых. По носкам и заподозрили неладное, потому что деревенский люд, конечно, тоже приветливый, но к носкам не привычный.

Вернули, улыбающегося, обратно.

Привязали.

Сон разума как многодетный отец

Сон — оптимальное состояние души и тела, если не нормирован, и даже чудовища простительные ему. В радость бывают даже случайные ночные пробуждения. Лучшее время для них — 2 или 3 часа ночи. Взметнешься — и упадешь: хорошо! два часа! а впереди–то еще сколько!

Так бывало не всегда.

В годы работы доктором сон превращался в сущее наказание.

Первое пробуждение: 23.40. Черт, как это меня вырубило? И все вокруг уж легли… Ладно, пока еще только 23.40. Не надо было ходить на угол, вот что… Ну, баиньки.

Второе пробуждение: 00.30. Как быстро ночь–то пролетает, черт ее дери! Будильник! Я завел будильник? Вроде, завел. Или нет? Заведу еще раз. Ну, баиньки.

Третье пробуждение: 02.40. Хорошо, что еще ноль два. Но уже почти ноль три… Через сколько это на службе сидеть? Через 6 часов? На бочок и баиньки.

Четвертое пробуждение: 03.35. Еще время есть… Интересно, пахнет ли от меня еще? Ням–ням–ням (во рту). Не совсем утешительно. Ну, баиньки.

Пятое пробуждение: 04.30. Ням–ням–ням.

Шестое пробуждение: 05.15. Ням–ням–ням.

Седьмое пробуждение: 05.45. Немного кофе, почистить зубы. Ну, еще чуть–чуть баиньки.

Восьмое пробуждение: за пять минут до будильника. Паника, паника, ням–ням–ням! Выключить будильник. Просто полежать, никаких баиньки. Осталось четыре минуты… три минуты… Ням–ням–ням. Ням–ням–ням.

Тапочки как зеркало гуманизма

Все–таки, если судить по рассказам моих товарищей, медицина медленно поворачивается к человеку лицом и приподнимает чадру или что там у нее, покрывало какое–нибудь, маска.

Уже у некоторых немощных появляются личные ходунки на колесиках и памперсы.

Один такой немощный по вечерам так и выходит из палаты на прогулку, страшно довольный: в памперсах и в ходунках. Больше ничего нет.

Разве что тапочки.

Но с этими тапочками как раз и вышла показательная история.

В палату к тому больному перевели соседа из реанимации, очень интеллигентного человека, который под вечер ему насрал в эти тапочки, в обе.

Тот, откровенный энцефалопат, понес тапочки санитарке.

И та их выстирала! замочила в хлорке! вместе замачивали — так в детстве пускают кораблики. Похоже, что и вправду намечается какой–то гуманизм. Я знаю много мест, где проситель моментально получил бы этими тапочками по роже.

А насравшего посмотрел невропатолог. «Что вы мне его показываете? Нормальный же мужик!» «Да он в тапки насрал». «А, ну тогда да, это дело житейское».

Неясыть

Враги ли человеку его близкие? Не знаю, не знаю. Когда как.

Иногда, имея дело с женами и мужьями моих пациентов и пациенток, я склонялся к утвердительному ответу.

Был у меня давным–давно один больной, пожилой человек. Я тогда работал в поликлинике, а он лежал дома, и меня обязывали к нему ездить.

Сей человек перенес стволовой инсульт и остался жить, но почти не глотал. Бывают такие вещи после инсульта. Ну, прошло время, а он так и не глотает. Тут уже ничего нельзя сделать. Если человеку отрежет трамваем руку или ногу — их же не пришьешь? Разве что в лечебнице Айболита или в институте микрохирургии.

Но жена клиента, внешне и внутренне отчаянно похожая на сову–неясыть, систематически названивала в поликлинику и желала видеть меня. Зачем? А вот зачем. Ей хотелось разыгрывать стереотипную, полюбившуюся ей сцену.

Вот я приеду, бывало, похожу вокруг, помашу молоточком, пошевелю бровями, разведу руками — ну а что я могу сделать? Ничего.

— Да, такие вот дела, — развожу я, значит, руками. — Ничего не могу поделать…

Для неясыти наступала звездная минута. Она взмахивала крыльями и отрабатывала условный рефлекс на мои слова. Поворачивалась к клиенту и утешающим голосом ворковала ему:

— Помирай, Мишенька, помирай, мой хороший. Вот как у нас теперь. Помирай, мой родной.

По лицу Мишеньки катились слезы — не то от волнения, не то просто такая непроизвольная была реакция, и он мычал.

Пожав плечами, я уезжал.

Через пару недель меня вызывали заново.

Я совал ему ложечку в горло, привычно обнаруживал отсутствие глоточного рефлекса и разводил руками:

— Ничем не могу помочь.

Неясыть с готовностью вскидывалась:

— Помирай, Мишенька, раз такие дела, помирай, мой хороший.

Я осторожно прощался и уходил. Мишенька плакал.

Через полгода я не смог это выносить и волевым нажимом уложил Мишеньку в больницу. Хлопая крыльями, неясыть поскакала за ним, приговаривая свое.

— Помирай, Мишенька, помирай.

Он и помер в итоге, по–моему, что было для него не худшим

исходом.

Кыш

Кровь? Ее будет.

Нужная остановка — родильное отделение. 30 родов, 40. Везде кровь. Нужны ли перевязочные материалы? Все залито там, все залито здесь.

И доктор Фигаро там, и там он тут. Вообще говоря, его Гасинкиным звали.

— Где санитары???!

В крови стоит..

Санитарка на него шваброй: Кыш!!!….

С Лимонным Соком и Писком

Третья Истребительная Больница.

Больной загипсован по гемитипу, с одной стороны: от пятки до подбородка.

Доктор просит ассистента этот гипс удалить.

Тот берет ножницы… Блаженный итог: — Да вы — моллюск! Устрица!

Случайные встречи

Случайные встречи бывших больных с докторами способны пронять до печенок. Камень зарыдает.

— Доктор, как же вы постарели! Да вы должны меня помнить, я у вас еще в старом корпусе лежала…

«Ну да, ну да, — раздражается и мямлит доктор. — Так почему ты–то жива до сих пор?»

Штуковина

Аптека.

Возле окошечка топчется дед.

— Растет и чешется, растет и чешется… Мне бы чего…

Действительно: рожа заклеена пластырем поверх ватки.

Аптекарша услужлива:

— Может быть, это?

— Не, это не берет… растет и чешется. Вот была штука… забыл, как называется… от той вроде ничего…

Аптекарша лезет вон из кожи:

— Вот очень хорошее средство.

Выставляет баночку. От «растет и чешется».

— Но это стоит девяносто девять рублей…

Дед в замешательстве. Еще топчется, но мыслями уже далеко от баночки.

— Не, я пока пойду еще переговорю с людьми…

Уходит. На лице аптекарши предупредительное участие.

Видение

Знойным августовским днем 2006 года, в самую жару меня вынесло к Первому мединституту, прямехонько к родной кафедре нервных болезней.

Все вокруг разогрелось и подрагивало; в своем комплексе ощущения немедленно перенесли меня на тринадцать лет назад, когда был такой же август и жарило такое же пекло.

Я только что закончил ординатуру, но меня обязали подежурить — не то в последний, не то в предпоследний раз. Ординаторы и интерны — публика совершенно бесправная. Поставили в график — и не вырубишь топором. Это не важно, что клиника еще закрыта и не принимает больных, и по городу не дежурит, что в отделении пусто, ни одного пациента — дежурь, и все. То есть просто просиди там сутки и занимайся, чем хочешь.

Тоска воцарилась невыносимая.

Нас было двое, еще сестричка со мной маялась. Ближе к ночи она сказала, потупив взор:

— Я пошла спать, Алексей Константинович. Если вам что–нибудь понадобится, я в первой палате.

Боже ты мой, и что же это мне может понадобиться? Она была маленькая, мне по плечо, а роста я очень среднего; вся какая–то опухшая, в мелкой сыпи и с жидкими волосенками; в ней было нечто от грызуна, она была страшнее чумного микроба.

— Нет–нет, мне ничего не нужно, — я с напускной беззаботностью покачивался с пятки на носок и смотрел в сторону.

…Ночью я вышел побродить по коридорам. Было дико и непривычно видеть безлюдные палаты с койками без белья, на которых покоились скатанные матрацы. И вот какую власть имеет над нами привычка! на секунду мне захотелось, мне представилось, как восстанавливается, и вот уже тут лежат инсульты, а тут радикулиты, а там помирает парочка черт–те с чем, все обыденно и знакомо. Как было бы спокойнее, думал я, если бы оно вдруг заполнилось, отделение. Инсультами и травмами — как хорошо! иначе муторно на душе и даже страшновато.

Это видение, конечно, держалось не очень долго.

Шестерочка

Зашел в аптеку. а там передо мной оказался солидный дядечка.

Ему был нужен бинт, ноги обтягивать, самого большого размера бинт и самого большого размера ноги.

Принесли ему:

— Не то, вы что! — затрубил на все помещение, а оно маленькое. — Мне же сетчатый!

— Так бы и сказали, — пожав плечами, милая аптекарша уходит на склад.

Вернулась.

— Вот вам шестерочка, три пятьдесят.

Рассматривает на свет, щурится:

— Во! Да мне таких штучки три…

Аптекарша полуутвердительно улыбнулась:

— Вы издеваетесь?

И пошла на склад.

— Издеваюсь! — запыхтел мужик, призывая меня в единомышленники. — У них там продукция на складе, бардак, а я издеваюсь!

Бинты принесли.

Начались поиски пятидесяти копеечек в кошелечке.

А я стоял и воображал, как этого человека, наполнив пивом, сажают в сетчатый бинт и опускают охлаждаться в воду, возле мостков, как в телерекламе, и он там сидит, а тут и рекламный Белый Медведь доволен новой забавой.

Готовность номер один

Мой приятель–доктор отправился в аптеку за цитрамоном.

Встал в очередь.

Перед ним оказался молодой человек, который брал себе, естественно, инсулиновый шприц, но без баночки нафтизина, в которой бодяжить — видимо, все уже было приготовлено.

Пока аптекарша выбивала чек, пока отсчитывала мелочью сдачу — хуяк! тот уже на полу!

Очевидно, и жгут уже был на руке, и все приготовлено.

Забегали все: скорую, скорую!

Приятель мой присел на корточки, пригляделся: дышит.

— Пускай лежит, — сказал. — По морде бейте иногда, чтобы дышать не забывал.

И ушел с цитрамоном, не стал оказывать первую помощь.

По рюмочке

В кардиологии напряженно: дня не проходит, чтобы не было подношений. Больные приносят водку ежедневно; в пятницу, когда большая выписка — просто беда.

Одна дама, правда, принесла доктору тысячу рублей со словами:

— Возьмите, пожалуйста… У меня муж доктор, ему несли, и плохо кончилось…

Потом опять подарили бутылку.

Доктор повертел ее, повертел и побрел в хирургию.

Зашел к заведующему, выставил на стол.

Тот обрадовался:

— Ну что, давай по рюмочке?

— Нет, — сказал доктор, — давай ты меня подошьешь, а сам выпьешь рюмочку.

— Ну, давай.

Хирург уложил доктора, подшил его эспералем — десять таблеток засадил, особенным троакаром.

Закончил дело и выпил рюмочку.

Без вины виноватые

Главный врач явился в реанимацию и накинулся на санитарку: что за срач? Совсем потеряли совесть? Под окнами прокладки валяются в неимоверном количестве — позор!

Санитарка подбоченилась и начала орать:

— Да какие у нас прокладки? У нас все в памперсах лежат!

Убедила–таки главного, что ни одной женщины с исправным циклом в реанимации нет. И все эти прокладки нанесло ветром, с гинекологии, с пятого этажа. Ушел он.

А там действительно — на ту сторону, где были прокладки, выходит только одно реанимационное окно, и палата тоже одна, и больная лежит там одна. Старуха.

Лежит уже в этой реанимации очень давно. За нее родственники платят, она и лежит. Расхаживает с папиросой и горя не знает.

И срет в мусорное ведро, которое возле дверей.

Больше некому.

Сначала многие удивлялись, когда туда заглядывали: откуда? и туалет рядом. Но потом перестали и удивляться, и интересоваться.

Доктор Чехов и Астров

Иногда мне еще случается удивляться докторам. Общался тут с двумя. Первая — женщина в годах, два сына, они наркоманы, а у одного еще туберкулез и ногу сломал, а второму оторвало палец. И ничего! Живет докторша, не покладая рук трудится.

А второй доктор заходил ко мне на дом, мы разговорились, очень милый человек. Я даже растрогался, проникся к нему всячески и подарил книжку.

Его изумлению не было предела.

Он заявил, что никогда не прочел ни одной книжки и эту не будет.

— Но как же? Ведь вы когда–то учились?

— Ну, тогда — да, конечно. А дальше зачем? Я телевизор послушаю, что–то мне перескажут — и хорошо.

Немолодой такой доктор, лет под шестьдесят.

Черви сомнения

Поступил пациент — обыкновенный алкаш, ничего особенного. Ну, инфаркт у него.

Осторожный доктор с кардиологии рассудил, что пусть он немножко полежит в реанимации.

И забыл про него.

Сам–то доктор с кардиологии в реанимацию не ходит, потому что ему там нечего делать. Но вот прошел день, второй, пятый, а клиента все почему–то не возвращают. Доктор озаботился, пошел все–таки в реанимацию.

— Как тут мой подопечный? — спрашивает.

— А у него белая горячка, — отвечает реанимация.

Доктор взглянул — и правда: клиент лежит привязанный, не соображает ни хрена, ему что–то колют. Ладно, пускай лежит дальше.

Прошло десять дней, и клиент вернулся в кардиологию, в отделение, где доктор.

Тот интересуется:

— Ну как, понравилась тебе белая горячка?

Клиент отвечает:

— А я, доктор, *не знаю, была у меня белая горячка или нет…*

Ну, не знаешь — и хер с тобой.

На следующее утро доктор пришел в палату и пошатнулся: все зассано, не продохнуть.

— Кто??…

— Да я, — отвечает тот самый клиент. — У меня же катетер стоит в хую. С реанимации остался.

— Так что же ты не сказал вчера, когда тебя переводили?

— А я, доктор, больше врачам ничего говорить не буду. Только начну им про катетер, а они меня привязывают и колют чем–то, а я вырубаюсь…

Чудеса отца Льва

Сонная пригородная больница, кардиология. Лето Господне.

Среди пациентов — местный батюшка, настоящий, но не самый главный. Ничего у него нет особенного, кроме цирроза печени. Доктор не хочет его выписывать — зачем? Сам батюшка никуда не торопится, а если его выписать — другой же поступит, его принимать!

Батюшка ходит, сцепив на животе руки, и сокрушается по поводу цирроза:

— Откуда чего берется?…

На это доктор ему отвечает, не без наигранного участия:

— Вы, вроде, на пьющего не похожи, харизма не та…

— Да нет, доктор, это все водка с пивом…

Однажды подбегает:

— Отпустите меня на часок! Халтурка подвернулась, панихиду отслужить.

Отпустили, конечно. Доктор потом любопытствует:

— Ну, как панихидка прошла?

— Да никак. Живая еще. Вхожу — там какие–то псаломщики вокруг сидят…

Доктору опять интересно: что же это за псаломщики? Оказалось, что эти псаломщики читают Псалом номер 90, и если прочесть его сотню раз, то больная наверняка поправится.

Батюшка:

— Ну, я их живо разогнал. А ну–ка, быстро жопы от стульев оторвали! Святой отец пришел…

…Батюшка, не чуждый миссионерства, не отстает от доктора, приглашает его посетить местную церковь.

— Заходите к нам в храм! У нас там, правда, сейчас такая стройка идет… Это ответ двадцать первого века средневековью… Там будет центр паломничества…

Доктор берет эти оптимистические замыслы под сомнение: никогда еще эта местность не привлекала паломников. Для этого чудеса нужны.

Батюшка сосредоточенно трет нос:

— Отец Лев — хороший организатор. Чудеса уже есть.

Доктор крайне заинтригован:

— ??? Какие же?

— Да вот иконок понабросали в Первый Психоневрологический Интернат. Сумасшедшие их так намолили, что те посветлели и стали как новенькие — чудо. Теперь они у нас висят.

Подвиги и слава

По телевизору показывают поезд «За возрождение России», который разъезжает по Сибири. Это и поликлиника, и сразу церковь, что очень разумно. Вместо кабинетов — вагоны; в одном гинеколог принимает, в другом — психиатр. И так далее. Регистратура выдает билеты–талоны.

Не во всех же деревнях есть поликлиники и аптеки, так вот и решение. Чем строить инфраструктуру, гораздо интереснее пустить поезд.

Мое воображение претыкается и отказывается представить это в динамике. Так, разорванные намеки и предложения. Например, насчет госпитализации: можно ведь и не выйти из этого поезда, а поехать дальше, с докторами, в вагоне–больнице. «На всю оставшуюся жизнь нам хватит подвигов и славы», — поют доктора, со слезами на глазах вспоминая известное кино.

Можно и вообще никогда не выйти из поезда. Попрощаться с родными, когда положение безнадежно, и уехать.

Меня чрезвычайно занимают все эти удивительные затеи с поездами. Кого–то наверху прилично зациклило: сначала половые вагоны, теперь вот это.

Но я не то чтобы все это осмеиваю. При должном размахе может выйти полезно.

Можно сделать отдельные летающие кабинеты: летающий роддом, летающий массаж предстательной железы, летающий лечебный гипноз. Над родиной порхают вертолеты или, если наука дойдет, скачут многокилометровыми прыжками компактные капсулы. По всей стране, как блохи, под музыку «Воздушная кукуруза». Иногда и накладки выходят, садятся не там и не те.

Холодненькое

Я ненавижу жевательную резинку.

Во–первых, меня раздражает вынужденность жевания, коли эта гадость уже попала в рот. Во–вторых, я насытился ею вполне, пока работал в больнице. Потому что в больнице известно, какая вредность, и как же не жевать резинку с утра, когда у заведующего лечебной физкультурой в шкафу стоят десять литров коньяка.

Помню, один малец меня прямо довел с этой резинкой до исступления. Этот шкет просиживал в ординаторской часами, лет семь или шесть ему было. Потому что его маме некуда было девать шкета, и она брала его с собой на работу. А мама сидела за соседним со мной столом. И шкет едва ли не круглосуточно пропитывался атмосферой дерьма, гепатита, памперсов, костылей и гноеточивых пролежней.

И вот он вдруг как заверещит: «Холодненьким пахнет! Мама, холодненьким пахнет!»

Знаете, какой у меня любимый эпизод в фильме про Жеглова? Когда водитель хлебной машины идет к телефонной будке и хрипит малышу: тихо, пацан.

Тихо, пацан!

Холодненьким пахнет…

Это от маминого коллеги мятной резинкой пахнет, то бишь от меня. Потому что я десять минут назад засандалил из горла двести грамм из лимонадной бутылки с водкой, которую мне подарила благодарная больная.

А он так и вьется вокруг, вприсядку: холодненьким, холодненьким!… И мама уже тянет носом. Павлик Морозов заработал. Мысли разбегаются, руки прыгают, паника. И костенеет условный рефлекс.

Без окон и без дверей

Дверь вскрывали при помощи МЧС. Внутри лежала бабка, изъеденная пролежнями.

Бабку доставили в реанимацию, начали ставить ей мочевой катетер, и сразу из половой ее щели полезли опарыши.

Сестры загалдели:

— Оставим! Оставим до утра, пусть народ посмотрит!

— Нет, — сказал доктор. — Быстро все убрать, пока мухи не налетели.

Ну, устроили фотосессию при помощи телефонов с камерами.

Наснимали, загнали в компьютер и подпись придумали: «Без окон, без дверей, полна горница червей».

Первое, что увидел шеф, когда утром явился и врубил компьютер.

Конница Бехтерева

Токсовская больница — странное место.

Попадешь и сойдешь с ума.

Пятнадцать человек в палате, и только тот, что на искусственной вентиляции, не бредит. А у прочих сплошная белая горячка, да психосоматика.

Так что трахеостома — лучшее средство от неправильных мыслей.

У одного вертолетчика между лопаток вырос пропеллер и он вылетел из кровати на пол, с гирями на ногах (сломаны были ноги).

Доктор успокоил его галоперидолом, и летун посетовал: эх, не долетел до Москвы — пришлось садиться в Витебске.

Его сосед по койке в это время брал Варшаву.

Праздным любопытным посвящается

Можно развить тему и написать, как вообще пьют врачи.

Многим же интересно, правда — и как это они пьют?

А так, что вы им все равно ничего не сделаете и придете лечиться.

Одни прячутся, другие — не очень. Кто проще, тому больше прощается. Был у нас, например, почтенный хирург, заведующий отделением. Он напивался среди бела дня, и это оказывалось полным сюрпризом. Напивался, запирался в кабинете и жил там неделю, преимущественно спал. И никому это не мешало. Пациенты как мерли, так и мерли, а некоторые выписывались.

Конечно, желателен стаж, опыт работы, потому что молодежи таких вещей не спускают. И уж совсем опасно напиваться на дежурстве, потому что ночами по городу рыщет хищный и безжалостный ночной дозор, то есть линейный контроль. Так произошло с нашим реаниматологом, который уже на дежурство пришел, наступая себе на галстук. И лег спать. И его выгнали, потому что он еще не заработал себе права спать.

Большинство предпочитает половинить процесс. Немножко на работе и немножко после. Или побольше после.

Лично я предпочитал вообще после, потому что мучился угрызениями совести. В Писании все это оговорено: «Будешь бежать, когда никто не гонится за тобой». Полдня приходилось ужасно страдать, изображать озабоченность и говорить, что идешь в Администрацию. Вместо Администрации я шел на лестницу, восходил к чердаку, стоял на площадке и курил, пока не приходили курить мои пациенты.

Однажды, помню, я отпросился уйти пораньше, к зубному врачу. Меня нехотя отпустили. Я убежал, как лань; очутился в каком–то далеком магазине, с запасом поправил здоровье и сел в автобус, чтобы ехать на вокзал. Я за городом работал. Но я позабыл о привычке местных автобусов кружить и петлять. Через пять минут меня, разморенного и потрясенного, привезли обратно к воротам больницы, откуда уже валом валили мои сослуживцы.

Они затолкались в автобус, обрадованно увидели меня и ничего не сказали, только смотрели во все глаза и нехорошо улыбались. Я втягивал голову в плечи, кутался в шарф, и у меня торчал только нос, очень жалкий и дерзкий.

Дебаркадер

Врач УШЕЛ.

Нет, не так. Все намного тоньше и толще.

Врач УШЛА.

Я сидел пятым в очереди, и дверь открылась, и врач УШЛА. Куда — никто не знал; она выплыла не то дебаркадером, не то дирижаблем. Мерно покачивая задубелыми жировыми напластованиями, она удалилась в страну вечно закипающего чайника.

Я попытался подсчитать изменения, случившиеся в детской поликлинике в эпоху национального проекта здравоохранения. Насчитал три штуки.

Во–первых, зачем–то сняли древний плакат с коровой и стихами: «Кады–мады, неси воды, корове — пить, тебе — водить».

Во–вторых, в регистратуре установили компьютер. Теперь–то уж прежнему распиздяйству не бывать. Раньше подходил и получал свою Клинопись, а теперь хрен. Сначала ты покажешь документы, потом регистраторша набьет все в компьютер, вылезет распечаточка–талон, а уж потом она пойдет за Клинописью.

Регистраторша одна, тут уж или — или. Фонды не резиновые: либо талон, либо напарница. Сидит с лицом непроницаемого дятла, ее пальцы в деловитой судороге дрожат и зависают над каждой буквой, потом тюкают.

В третьих, конечно, бахилы. Пять рублей. На что бахилы, если с утра идет чудовище, в шубе–пальто, без бахил, на работу? Распространяет тлен самим фактом своего появления, топочет уличными тумбообразными ножищами–сапожищами? С порога торгует солями из Мертвого моря, с порога же советует пить при гнойном отите абстрактную траву?

Ходок

Я сильно подозреваю, что Больница Володарского — гиблое место, истребительное лечебно–карательное учреждение. Я точно не знаю, но первое впечатление составилось именно такое. Однажды я зашел туда в поисках трудоустройства и сразу вышел.

И расположена она в неприятном соседстве: там баня, травматологический пункт, какой–то магазин — короче, все очень страшные места.

И вот я увидел душераздирающую картину.

По ступеням аптеки медленно поднимался каторжанин, временно эту больницу покинувший. Он проделал длинный путь. Он передвигался на костылях, одна его нога была изогнута примерно в коленном суставе, но в обратную сторону, и завязана стопою в тряпочку. Пациент был одет в огородном стиле и страдал запущенной асфальтовой болезнью. На лице его главенствовал фиолетовый цвет. Коленками назад, он поднимался в аптеку подстреленным кузнечиком. Костыли мягко стучали с интервалом в полторы минуты.

Едва он начал протискиваться в двери, аптека взорвалась.

— Вчера! Вчера сидел до одиннадцати! — завопили из–за стекла. — Нельзя входить!

Но он протиснулся, делая вид, что это не ему говорят, а может быть, даже мне.

Побежали за несуществующей охраной. Кузнечик добрался до центра зала и закричал в ответ:

— Меня ребята, ребята послали!

Я сразу ему поверил, что это он не себе, потому что он достал тридцать рублей, сумму немыслимую в данной инкарнации.

Ему быстро дали три бутылочки боярышника и велели не сидеть, а уйти навсегда, иначе боярышника ему больше не отпустят. Понимающе кивая, он взмахнул костылями и двинулся к выходу. Мыслями он был уже не в аптеке.

Вот я о чем думаю: что происходит с теми, кто его послал? Какие они?

Зеркало треснуло

Гинекология.

Доктор вразвалочку колесит по коридору и встречает каталку. На каталке — знакомое лицо.

И доктором овладела задумчивость.

Куда и зачем?

Вроде бы влагалище уже ремонтировали, и совсем недавно.

Ему отвечают:

— Снова! Теперь жопу разрезала!

Любопытство достигает солнечного градуса. Дело было так. Женщине действительно отремонтировали влагалище, и она попросила у медсестры зеркальце, чтобы посмотреть, как там у нее и что.

Какая на это бывает реакция? Естественная. Нет!

Нечего там смотреть.

И зеркальца не дали.

Тогда клиентка, вернувшись в палату, сняла со стены огромное круглое зеркало. Положила его на две табуретки и взгромоздилась толстой жопой.

Ну и…

Неодолимая сила

Мне прочитали отрывки из официального документа, вывешенного в больнице, где я когда–то работал.

Некоторые моменты запомнились. Вообще, марксизм–ленинизм не стоит на месте, ибо все, что развивается, это он и есть.

Первым делом выяснилось существование ВОЗМЕЗДНЫХ услуг.

Так отныне называются услуги платные.

Возмездная будет услуга или безвозмездная зависит от того, ПРОСТАЯ она или СОСТАВНАЯ.

Ну и дальше, как полагается в юридических документах на тему гарантий: администрация, дескать, не отвечает за войну, землетрясение, белую горячку и прочие стихийные вещи.

Наша администрация не несет ответственности в случае НЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ.